

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВО ВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

47-48

А.С.ГРИБОЕДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · М О С К В А · 4 · 6

ГРИБОЕДОВ И ГРУЗИНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ КРУГИ 1820-х годов

Сообщение В. Шадури

Грибоедов был первым по времени русским писателем, тесно и многосторонне связанным с грузинской культурой.

Общественную биографию Грибоедова «восточного периода» и его грузинскую тематику правильно можно понять лишь на фоне русско-грузинских общественно-литературных взаимоотношений той эпохи. Взаимоотношения эти тогда значительно усилились и приобрели двусторонний характер. С разгромом декабризма и началом русско-персидских войн в Грузию перебрасывались многочисленные войска и чиновники, среди них немало «беспокойных» людей. Царизм высылал из России в «южную Сибирь», как называли тогда Кавказ, десятки и сотни декабристов и их единомышленников¹. Многие из ссыльных были культурными, высокообразованными людьми. В их числе был ряд писателей; достаточно назвать А. А. Бестужева-Марлинского, А. И. Одоевского, Шишкова второго, В. Теплякова.

Таким образом, в Грузии происходит скопление русских прогрессивно настроенных людей. Возникает вопрос: общались ли они на Кавказе между собой и с местными кругами? Если да, то каков был характер этих общений и, в частности, в каких взаимоотношениях с этими людьми был Грибоедов?

Ответить на эти вопросы довольно трудно. По весьма понятным причинам, известны лишь немногие относящиеся сюда факты. Но и эти факты говорят, что Тифлис — «этот центральный пункт русской власти в Азии»² — становится в ту пору и центром сближения русских и грузинских передовых культурных сил. Грибоедов (так же как и Пушкин, Лермонтов и другие русские прогрессивные писатели) был связан с теми кругами России и Грузии, которые, выражая настроения русского и грузинского народов, боролись против общих внешних и внутренних (царизм, крепостное право) врагов, выступая за дружбу и культурное сотрудничество этих народов. В основном это были декабристские круги и будущие участники грузинского заговора 1832 г. Великий драматург во многом стоял выше своих декабристских друзей и заговорщиков, он более трезво решал все жизненные и литературные вопросы своего времени, но, тем не менее, из всех людей, окружавших его, самыми передовыми были декабристы и грузинские заговорщики, и поэтому он и устанавливает с ними связи.

О личных, идейных и организационных связях Грибоедова с декабристами до 1825 г. имеется много данных. Грибоедов лично знал всех видных деятелей этого движения, со многими из них дружил; в «Горе от ума» проводятся декабристские идеи (борьба против крепостного права и самодержавия, здоровый русский патриотизм), положительно решается и вопрос об организационных связях великого драматурга с декабристами.

Было бы неправильно, предположить, что с разгромом декабристского восстания декабризм был уничтожен вообще — идейно, организационно и т. д.

Николай I недаром боялся, что скопление декабристов на Кавказе могло иметь «нежелательные последствия». Поэтому кавказским главноуправляющим (вначале Ермолову, потом Паскевичу) часто напоминали из Петербурга о требовании царя «иметь строгое и неусыпное наблюдение за тем, чтобы они [декабристы] не могли распространить между товарищами каких-либо вредных толков»³, и главноуправляющий, в свою очередь, успокаивал царя, что за всеми декабристами установлен «строжайший присмотр»⁴. Но тот же Паскевич вынужден был признаться перед правительством, что у сосланных декабристов «дух сообщества существует, который по слабости своей не действует, но с помощью связей между собою живёт».

До нас дошли весьма скудные сведения об этих связях, однако и они говорят за то, что, несмотря на царский надзор, передовые люди России на Кавказе ухитрились устанавливать кое-какие формы организационного общения. Они собирались то у одного, то у другого на квартире «для дружеских бесед». По некоторым сведениям можно установить, что декабристы в Тифлисе и других местах во второй половине 20-х и в начале 30-х годов имели даже кружки, где, между прочим, читали и «Горе от ума». Об этом говорится в воспоминаниях декабриста А. С. Гангеблова, Мих. Бестужева, барона Торнау. Последний даёт особенно ценные указания о связях ссыльных русских людей с передовыми кругами Грузии в начале 30-х годов⁵. Одним из центральных пунктов их сборов в Тифлисе был дом Александра Чавчавадзе. «Каждый день с утра собирались к ним родственники и родственницы грузинские, потом начинали приходиться русские, один за другим, как кто освобождался только от службы... К числу лиц, разнообразивших интерес нашего круга, бесспорно принадлежали многие из помилованных декабристов, отбывавших на Кавказе последние годы своего отлучения от родины. Это были люди, получившие большую часть хорошего воспитание, некоторые с замечательными душевными качествами... Спрашиваю, можно ли было, узнав, не полюбить тихого, сосредоточенного Корниловича, автора Андрея Безымянного, скромного Нарышкина, Коновницына, остроумного Одоевского и сердечной доброты проникнутого Валерьяна Голицына. С Александром Бестужевым (Марлинским) я имел случай часто встречаться у брата его Павла».

Затем Торнау говорит, что «никем не чайный случай» неожиданно разрушил эти связи. «Сказал бы, что знаю про это коротко мне знакомое дело, да лучше, кажется, промолчать до поры, до времени». Тут Торнау, по известным причинам, избегает говорить о заговоре 1832 г.

«В зиму 1830 года, — пишет Гангеблов в своих «Воспоминаниях», — случилось, что несколько декабристов, не принадлежавших к тифлисскому гарнизону, проживали в Тифлисе под разными законными и незаконными предлогами. В ту пору А. А. Бестужев только что выздоровел от опасной и продолжительной болезни... С Бестужевым жили и его братья Петр и Павел. Кроме них проживали в Тифлисе Пущин, Оржицкий Енафродит, Степан Мусин-Пушкин (моряк), граф Мусин-Пушкин, Нил Павл. Кожевников (измайловский офицер), Вышневецкий, бывший адъютант князя Сакена, и еще кто-то (этих двух последних я принял на квартиру). Мы сходились по вечерам то у того, то у другого, всего чаще у меня, иногда по два и более раз в неделю... Вечера эти были подобны «вторникам» Искрицкого в Петербурге».

Декабристы часто собирались у Раевского. Об этом М. А. Бестужев сообщает: «Генерал Раевский, бывший член тайного общества... проживая, как начальник отряда, в Тифлисе, наполнил свой штаб большей частью из декабристов и ссыльных офицеров. Прочих, не бывших в его штабе, он ласково принимал в своем доме».

Ссыльные декабристы, знакомые и друзья Грибоедова, конечно, не могли не общаться с великим драматургом. Мы не имеем сведений о связях Грибоедова с декабристскими кружками в Грузии, но показательными являются общее уважение и любовь ссыльных декабристов к своему другу, чтение «Горя от ума» в декабристских кружках на Кавказе, их переписка, заботы Грибоедова о декабристах. Пётр Бестужев в своих «Записках» говорит о Грибоедове: «Узнавши, что я приехал в Тифлис, он с видом братского участия старался сблизиться со мною. Слезы негодования и сожаления дрожали в глазах благородного, сердце его обли-

валось кровью при воспоминании о поражении и муках близких ему по душе и, как патриот и отец, сострадал о положении нашем. Не взирая на опасность знакомства с гонимым, он явно и тайно старался быть полезным...»⁶.

Достаточно указать, что Грибоедов усиленно хлопотал о переводе А. А. Бестужева, А. И. Одоевского и других декабристов из Сибири в Грузию...

Однако Грибоедов был связан не только с ссыльными декабристами, но и со многими из тех передовых грузин, которые позже оказались участниками заговора 1832 г.

АЛЕКСАНДР ЧАВЧАВАДЗЕ И ГРИБОЕДОВ

Рисунок Бажбеука Меликова, 1932 г.

Литературный музей, Москва

Этот заговор для нас интересен не только с точки зрения связей Грибоедова (а позже Пушкина и Лермонтова) с передовыми грузинами, но и вообще с точки зрения русско-грузинских общественно-литературных взаимоотношений.

9 декабря 1832 г. Ясо Палавандишвили явился к заместителю начальника Кавказского корпуса генералу Волховскому и сообщил ему, что в Грузии существует антиправительственный заговор, выполнение которого назначено на 20 декабря 1832 г.

Начались аресты и следствие. Всего к следствию было привлечено 145 человек⁷.

Надо заранее оговориться в невозможности дать полную картину заговора 1832 г. Дело в том, что не все заговорщики были арестованы сразу после доноса. Большинство из них узнало о провале заговора и предстоящих арестах. Они имели

возможность уничтожить разоблачающие их бумаги и договориться, как себя вести на следствии. Они и в тюрьме ухитрились разными способами (перестукивание, подкупы надзирателей, оставление писем в уборной) информировать друг друга о ходе следствия, посоветоваться между собой. К тому же у заговорщиков хорошо было поставлено дело конспирации. Многие до конца так и остались нераскрытым. Заговорщики, как правило, на следствии старались скрыть всё существенное и придать заговору поверхностный характер. Да и само правительство избегало «шума» вокруг этого дела (что видно из официального письма главноуправляющего Кавказом Розена к военному министру Чернышёву).

Однако даже из неполных показаний выясняется, что заговор носил довольно серьёзный характер. В нём участвовали почти все передовые силы Грузии. Заговорщики имели свой устав, свой центр в Тифлисе и группы на местах. Надо полагать, что многие их связи остались невыявленными.

Многие главари и активные участники грузинского заговора в прошлом были связаны с передовыми русскими общественными кругами периода, предшествовавшего восстанию 14 декабря 1825 г.

Соломон Додашвили, наиболее видный и радикальный руководитель заговора, в 1824—1827 гг. учился в Петербургском университете, дружил со студентом Крупским, пропагандистом декабризма. Он был непосредственным свидетелем восстания. Из Петербурга он привёз в Грузию декабристский энтузиазм, возглавил заговор, взяв на себя самое ответственное дело — руководство пропагандой и организацией восстания.

Элизбар Эристави, второй видный руководитель заговора, также учился в Петербурге (в 1823—1830 гг.). Там он воспринял прогрессивные идеи декабристов и, вернувшись на родину, возглавил заговор; по его предложению заговорщики начинают издавать газету («чтобы приготовить умы к возмущению») и переводить стихи Рылеева. Он ведёт тайную переписку с Окропиром, Багратом и другими грузинами, живущими в Петербурге, составляет (совместно с А. Чавчавадзе и З. Чолокашвили) план восстания...

В Петербурге родился, вырос и получил образование Александр Чавчавадзе. Некоторые исследователи оспаривают, правда, его принадлежность к заговору 1832 г. Но внимательное изучение биографии Чавчавадзе, его творчества, показаний заговорщиков⁸ и другие материалы говорят обратное. Недаром он был сослан в Тамбов и недаром писал Николай I: «Г.-м. кн. Чавчавадзе был всем известен и, кажется, играл в сем деле (в заговоре — В. Ш.) роль, сходную с Михайлою Орловым по делу 14 декабря»⁹. В Петербурге воспитывались также руководитель заговора А. Орбелиани и активные заговорщики Вахтанг Орбелиани, З. Чолокашвили и другие.

О связи грузинского заговора с декабризмом говорят сами заговорщики в своих показаниях. Один из них, Дмитрий Эристави, заговор 1832 г. прямо связывает с 1825 г. и Петербургом, где тогда жили многие грузины. Он говорит: «В 1825 году приехал я в Петербург и жил у царевича Парнаваза, и часто виделся с царевичем Дмитрием, у которого бывали князья Элизбар и Георгий Эристави. Он говорил нам из истории места, относящиеся к свободе, посредством чего он, так сказать, приготовил нас» (материалы следственной комиссии по делу заговора 1832 г., т. XX, с. 3661). Подобные же показания даёт заговорщик Джорджадзе (т. XII, с. 2168); а по словам Антона Абхазы, ему Захарий Чолокашвили, вернувшийся из Петербурга, много рассказывал о восстании декабристов, подчёркивая при этом, что они боролись и за свободу грузин, что польские революционеры воздвигли у себя казнённым декабристам монументы и т. д. и т. п. (т. II, с. 193).

Показательно также, что в бумагах одного из главарей заговорщиков, С. Додашвили, была найдена копия письма Рылеева, посланного им своей жене из тюрьмы. На заданный следственной комиссией по этому поводу вопрос Додашвили ответил: «Письмо Рылеева я переписал в С. Петербурге у студента Крупского в 1826 г. (т. XI, с. 1893). Заговорщики широко пользовались художественной литературой, как орудием революционной пропаганды. Между оригинальными произведениями,

использовавшимися ими, фигурирует и «Исповедь Наливайко» Рылеева; эту вещь перевёл-переделал поэт-заговорщик Орбелиани.

Надо полагать, что на грузинский заговор известное влияние оказали и те ссыльные декабристы и их друзья, которые в Тифлисе создавали разные кружки, посещали дом Александра Чавчавадзе и т. д. Трудно найти между ними непосредственные организационные связи (оно и понятно — ведь они могли носить лишь конспиративный характер), но нам кажется, что они существовали. На эту мысль

Н. А. ГРИБОЕДОВА

Акварель Е. Франкен, 1856 г.

Литературный музей, Москва

наводит, помимо всего прочего, и тот факт, что организационная активизация грузинского заговора относится именно к 1829—1830 гг., т. е. к тому времени, когда многие декабристы «проживали в Тифлисе под разными законными и незаконными предлогами» (Гангеблов).

Но если между ссыльными декабристами и грузинскими заговорщиками трудно установить организационные связи, то в их идейных связях едва ли можно сомневаться.

Об этом особенно убедительно говорит большое сходство между программами северных декабристов (проект Никиты Муравьёва) и грузинских заговорщиков («Акта Гониуриса» Ф. Кикнадзе)¹⁰. Внутри организации безусловно имелись разные

группы: республиканцы и монархисты; но основное ядро заговорщиков было тесно связано с декабристами общностью политических идей.

В своей огромной общественно-просветительной работе в Грузии Грибоедов тесно был связан с теми передовыми людьми, которые позже оказались участниками заговора 1832 г.¹¹

Его соавтором по проекту Российской Закавказской Компании был тифлисский губернатор Завилейский. Из мемуаров следственной комиссии по делу заговора 1832 г. выясняется, что Завилейский был его активным участником. Об этом свидетельствуют показания Ал. Орбелиани, Г. Эривани и др. А. Чавчавадзе в своих показаниях писал, что они с Завилейским сблизились «по сходству образа мыслей». «Благородность его души, — писал Чавчавадзе, — его благонамеренность, его неуспяная деятельность по многосложным обязанностям на него возложенным, его смелая справедливость ко всем, без различия лиц, особенно же верное и скорое постижение вещей для него новых, чрезвычайно нравилось мне в нём и час от часу более усиливали мой к нему любовь и уверенность. Он имел об Грузии самое точное понятие...» (т. V, с. 870—871).

В составлении или обсуждении «Проекта» Грибоедова — Завилейского правдоподобно предположить участие Александра Чавчавадзе. Грибоедов с Чавчавадзе хорошо был знаком, видимо, задолго до установления между ними родственных отношений (недаром Ал. Чавчавадзе сразу же согласился на брак Александра Сергеевича и Нино). Эта близость двух великих людей России и Грузии может пролить свет на многие вопросы общественно-литературной деятельности Грибоедова в Грузии.

Можно было и без того полагать, что Грибоедов не мог не делиться своими мыслями о преобразовании Закавказья со своим другом и тестем, с самым образованным и умным грузином того времени, который лучше всех знал как прошлое, так и настоящее своей страны и мог высказать самое авторитетное мнение о её будущем. Общность многих взглядов Грибоедова и Чавчавадзе в этих вопросах доказывается и документально — существует «Краткий исторический очерк положения Грузии 1801—1831 гг.». Подлинного автора этого «Очерка» долго не знали. Вначале его приписывали Исарлову¹², затем отцу Александра Чавчавадзе — Гарсевану¹³ (хотя Гарсеван Чавчавадзе умер в 1811 г., а «Очерк» доведён до 1831 г.), и лишь после того, как проф. Полиевктов нашёл (в Ленинградской публичной библиотеке) подлинник текста, выяснилось, что он принадлежит Александру Чавчавадзе. Последний адресует свой «Очерк» Николаю I (Грибоедов — Завилейский свой проект адресовали Паскевичу).

«Очерк» Чавчавадзе имеет много общего с «Проектом» Грибоедова — Завилейского. Вначале в них подчёркиваются природные богатства Закавказья; затем констатируется промышленно-торговое отставание. Последнее в обоих документах объясняется военной обстановкой, но вслед за этим «оправдыванием» идёт резкая критика феодально-хищнической политики царизма в Грузии. Как авторы «Проекта», так и Чавчавадзе выдвигают своевременность хозяйственно-культурного преобразования Закавказья и надеются, что оно будет осуществлено «при деятельности, возбуждённой соревнованием»¹⁴.

У нас нет прямых доказательств о знакомстве и сотрудничестве Грибоедова с Додашвили, с этим наиболее видным и радикальным руководителем заговора, но трудно допустить, чтобы они не были знакомы. 4 июля 1828 г. вышел первый номер газеты «Тифлиссские Ведомости»¹⁵; инициатива её создания принадлежала, вероятно, Грибоедову¹⁶; «Дело» о газете проходило через дипломатическую канцелярию главноуправляющего; в «Комитете» по надзору за газетой в качестве цензора работал друг Грибоедова и заговорщиков — Завилейский, помощником редактора по грузинской газете¹⁷. В «Тифлиссских Ведомостях» многие статьи печатались без подписи, некоторые из них могли принадлежать и ссыльным декабристам¹⁸ и Грибоедову. В одном письме к Паскевичу (от 3 декабря 1828 г.) Грибоедов сам пишет: «Прилагаю здесь несколько строк для Тифлиссских газет, коли одобрите».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1826 г. туда были сосланы декабристы, разжалованные в солдаты: Н. Н. Оржицкий, Б. А. Бодиско, П. А. Бестужев, А. В. Веденянин, Ф. Г. Вишневский, Н. П. Кожевников. В 1827 г. — Н. П. Акулов, П. П. Коновницын, М. Д. Лаппа, М. И. Пущин, А. А. Фок, Н. Р. Цебриков, Е. С. Мусин-Пушкин, Ив. Цвеловский, Е. Е. Лачинов. В 1828 г. — А. А. Бестужев-Марлинский, В. С. Толстой, В. М. Голицын, З. Г. Чернышёв. Ещё позже — А. О. Корнилович, С. И. Кривцов, В. А. Дивов, А. И. Вегелин, И. А. Загорецкий, К. Е. Егельстром, В. Н. Лихарёв, Н. И. Лорер, М. А. Назимов, М. М. Нарышкин, А. И. Одоевский, А. И. Розен,

МОГИЛА ГРИБОЕДОВА В ТИФЛИСЕ. В МОНАСТЫРЕ СВ. ДАВИДА

Рисунок неизвестного автора, 1840-е гг.

Литературный музей, Москва

А. И. Черкасов, А. П. Беляев, П. П. Беляев и много других. Кроме того, в Грузию были сосланы многие «прикосновенные» к декабризму (их было также несколько десятков человек) и весь штрафной Черниговский полк.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, с. 206.

³ Письмо Дибича Паскевичу от 15 октября 1827 г., — «Русская Старина», 1903, кн. VI.

⁴ Ответ Паскевича Дибичу от 30 ноября 1827 г., — там же.

⁵ Т., Воспоминания о Кавказе и Грузии. — «Русский Вестник», 1869, т. 80 (апрель).

⁶ «Воспоминания братьев Бестужевых». М. 1917, с. 87.

⁷ Материалы следственной комиссии находятся в Центральном архиве Грузии. Часть материала опубликована в «Актах Кавказской Археографической Комиссии» (т. VIII) и журнале «Грузинский Архив» (кн. II, на груз. языке). Большую работу по изучению архивных материалов проделал проф. Г. Гозалиашвили, опубликовавший в 1936 г. солидный труд «Заговор 1832 г.» (на груз. языке).

⁸ См. протоколы следственной комиссии, с. 40, 114, 137, 636, 1156, 3346 и др.

⁹ Из письма Николая I И. Паскевичу от 29 декабря 1832 г. — «Русский Архив» 1897, № 1, с. 9.

¹⁰ Их сравнительный анализ дан в неопубликованной работе Г. Гозалиашвили (на груз. языке)

¹¹ Возможно, Грибоедов и не знал о подготовке заговора (так как заговор активизировался после гибели драматурга), но этим не обесценивается значение связей Грибоедова с заговорщиками.

¹² Напечатано в «Письмах о Грузии» Исарлова, 1899.

¹³ См. «Кавказский сборник» 1902, т. 23, с. 1—2.

¹⁴ Подробный сравнительный анализ «Проекта» и «Очерка» дан в моей ещё не опубликованной работе «Грибоедов и грузинская культура».

¹⁵ До этого (в 1819—1820 гг.) в Грузии выходила лишь примитивная «Грузинская газета».

¹⁶ См. в работах Н. Ениколопова «Грибоедов в Персии и Грузии», «Пушкин на Кавказе» (в первой книге несколько страниц посвящено общественной деятельности Грибоедова в Грузии).

¹⁷ «Тифлисские Ведомости» выходили на русском, фарсийском и грузинском языках.

¹⁸ Об участии в «Тифлиских Ведомостях» Сухорукова сообщает Ушаков («История военных действий в Азиатской Турции в 1828—1829 гг.»). Мимоходом заметим, что в газете сообщалось и о приезде Пушкина на Кавказ, и о постановке «Горя от ума» в Тифлисе и т. д.